

К проблеме «концепта» и «концептосферы»

© доктор педагогических наук Ю.Е. Прохоров, 2005

Какие бы картины ни открывались перед нашим взором при изучении истории языка, повсюду видны живое движение, твердость и удивительная гибкость, постоянное стремление ввысь и падения, вечная изменчивость, которая никогда еще не позволяла достичь окончательного завершения; все свидетельствует нам о том, что язык является произведением людей и несет на себе отпечаток добродетелей и недостатков нашей природы.

Я. Гримм

В филологии, как и в любой науке, есть два типа терминов: свои и заимствованные. И принцип пользования ими также не оригинален: как и всюду, договориться о хотя бы приблизительно общем их понимании практически невозможно, что, с одной стороны, «дает хлеб» новым поколениям исследователей, а с другой – оправдывает заимствования терминов из других наук, где они, на взгляд «из своей науки», кажутся более четкими и логичными. Когнитивистика здесь – не исключение, а может быть, как раз и наиболее «богатая» в этом отношении область филологии.

Термин «концептосфера» имеет конкретного автора – Д. С. Лихачева. Он писал: «В совокупности потенции, открываемые в словарном запасе отдельного человека, как и всего языка в целом, мы можем назвать концептосферами. Концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации <...> отдельных вариантов концептосферы национального языка очень много, они по-разному группируются, по-разному себя проявляют. Каждый концепт в сущности может быть по-разному расшифрован в зависимости от ситуационного контекста и культурного опыта, культурной индивидуальности концептоносителя»; «Термин “концептосфера” вводится мною по типу терминов В. И. Вернадского: ноосфера, биосфера и пр. Понятие концептосфера особенно важно тем, что оно помогает понять, почему язык является не просто способом общения, но и неким концентратом культуры – культуры нации и ее воплощении в разных слоях населения вплоть до отдельной личности» [Лихачев 1993: 5, 9].

Рассуждения Д. С. Лихачева о «концепте» и, особенно, о «концептосфере» нуждаются, по нашему мнению, в уточнениях. Вот что пишет В. И. Вернадский о ноосфере и биосфере (совсем коротко): «... выделение в биосфере царства разума, меняющего коренным образом и ее облик, и ее строение – Ноосферу <...>. Научная мысль человечества работает только в биосфере и в ходе своего проявления в конце концов превращает ее в Ноосферу, геологически охватывает ее разумом» [Вернадский 2000а: 394]; «Ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится *крупнейшей геологической силой*» [Вернадский 2000б: 314]. То есть эти термины имеют «геологическую» характеристику: они всеобъемлющи для Земли – как «шара», и окружение шара есть «сфера». Причем биосфера и ноосфера имеют разную природу: первая есть данность, вторая – продукт определенной деятельности. Ср.: «Ноосфера (от *греч.* νόος – разум и σφαῖρα – шар), сфера взаимодействия природы и общества, в пределах которой разумная человеческая деятельность становится главным определяющим фактором развития (для обозначения этой сферы употребляются также сходные термины: техносфера, антропосфера, социосфера). Понятие ноосферы как *облегающей земной шар* идеальной, “мыслящей” оболочки, формирование которой связано с возникновением и развитием человеческого сознания, ввели в начале XX в. П. Тейяр де Шарден и Э. Леруа» [ФЭС 1983: 441] (курсив мой. – Ю. П.).

Не слишком подходят для конструирования нового термина и современные словарные значения слова «сфера»: «1. Замкнутая поверхность, все точки которой равно удалены от центра // Поверхность и внутренне пространство шара. 2. Общественное окружение, среда. 3. Пределы распространения чего-л.» [Ефремова 2000, II: 734]. В той или иной степени к концептосфере приложимо ее понимание как «общественного окружения, среды», однако в этом случае придется понимать ее не как некоторую совокупность концептов, а «месторасположение» самого концепта.

Следует признать, что в гуманитарных исследованиях термин «сфера» уже настолько прижился, что кажется естественным, разумным и – главное! – логичным. Это использование подкреплено и авторитетом Ю. М. Лотмана, который – до «концептосферы» – ввел в научный обиход термин «семиосфера»: «... любой отдельный язык оказывается погруженным в некоторое семиотическое пространство, и только в силу взаимодействия с этим пространством он способен функционировать. Неразложимым работающим механизмом – единицей семиозиса – следует считать не отдельный язык, а все присущее данной

культуре семиотическое пространство. Это пространство мы и определяем как семиосферу» [Лотман 1999: 165]. «Если по аналогии с биосферой (В. И. Вернадский) выделить семиосферу, то станет очевидно, что это семиотическое пространство не есть сумма отдельных языков, а представляет собой условие их существования и работы, в определенном отношении, предшествует им и постоянно взаимодействует с ними» [Лотман 1999: 163-164].

Нам представляется, что система терминов (техносфера, антропосфера, социосфера, атмосфера, стратосфера и т. п.), которую «очеловечил» В. И. Вернадский термином «ноосфера», включив в эту систему человека и его деятельность, привела к возникновению таких «филологически изящных» терминов, как «семиосфера» и «концептосфера» – которые, однако, с точки зрения и логики, и формального понимания самого термина, не только не проясняют сущность, но в определенной степени и затуманивают ее.

Само содержание понятия, предлагаемое Ю. М. Лотманом, построено совершенно строго и корректно. «Фактически все пространство семиосферы пересечено границами разных уровней, границами отдельных языков и даже текстов, причем внутреннее пространство каждой из этих субсемиосфер имеет некоторое свое семиотическое “я”, реализуясь как отношение какого-либо языка, группы текстов, отдельного текста (при учете того, что языки и тексты располагаются иерархически на разных уровнях) к некоторому их описывающему метаструктурному пространству. Пронизанность семиосферы частными границами создает многоуровневую систему. Определенные участки семиосферы могут на разных уровнях самоописания образовывать семиотическое единство, некоторое непрерывное семиотическое пространство, ограниченное единой границей, или группу замкнутых пространств, дискретность которых будет отмечена границами между ними, или, наконец, часть некоторого более общего пространства, ограниченного с одной стороны фрагментом границы, а с другой открытого» [Лотман 1999: 185-186]. «Внутреннее пространство семиосферы парадоксальным образом одновременно и неравномерно, асимметрично, и едино, однородно. Состоя из конфликтующих структур, оно обладает также индивидуальностью. Самоописание этого пространства подразумевает местоимение первого лица. Одним из основных механизмов семиотической индивидуальности является граница. А границу эту можно определить как черту, на которой кончается периодичная форма. Это пространство определяется как “наше”, “свое”, “культурное”, “безопасное”, “гар-

монически организованное” и т. д. Ему противостоит “их–пространство”, “чужое”, “враждебное”, “опасное”, “хаотическое” [Лотман 1999: 175]. «Асимметрия проявляется в соотношении: центр семиосферы – ее периферия. Центр семиосферы образуют наиболее развитые и структурно-организованные языки. В первую очередь, это – естественный язык данной культуры. Можно сказать, что, если ни один язык (в том числе, и естественный) не может работать, не будучи погружен в семиосферу, то никакая семиосфера, как отмечал еще Эмиль Бенвенист, не может существовать без естественного языка как организующего стержня. Дело в том, что наряду со структурно-организованными языками, в пространстве семиосферы теснятся частные языки, языки, способные обслуживать лишь отдельные функции культуры и языкоподобные полуоформленные образования, которые могут быть носителями семиозиса, если их включают в семиотический контекст» [Лотман 1999: 170].

Что из этого следует? Что речь идет, с одной стороны, о некоторой замкнутой конструкции – сфере: у нее есть ядро и периферия, этим она асимметрична, она имеет границы, отделяющие ее – как некоторый штучный экземпляр, хотя и построенный по образцу и подобию любого другого аналогичного штучного экземпляра – от других сфер. С другой стороны, есть некоторая незамкнутая, безграничная совокупность этих замкнутых единиц, которые составляют и наше знание, и правила реализации этих знаний, и средства реализации этих знаний и правил. Очевидно, разбираясь с терминами, логичнее было бы построить следующую модель:

1. Есть некоторая совокупность языковых единиц, которая позволяет некоторой совокупности человеческих единиц осуществлять с ее помощью общение. Эта совокупность устойчива в своем ядре и вариативна в своей периферии, незамкнута, структурно организована и в каждый конкретный момент самодостаточна – она может рассматриваться как феномен языка определенного этноса.

2. Каждая языковая единица в процессе своего существования в речевом общении «обрастает» определенной совокупностью ассоциативных связей с другими единицами, т. е. с одними единицами она может создавать такие связи (количество которых устанавливается в ходе ее реализации в различных сферах общения), с другими – не может (в каждый конкретный момент; диахронически состав этих возможных связей может быть различен). Таким образом, эта языко-

вая единица образует вокруг себя некоторую семантическую сферу¹, элементы которой находятся или ближе, или дальше от нее – той конкретной языковой единицы, семантика которой рассматривается, но сфера эта замкнута, так как эта ассоциативная связь или наличествует, или отсутствует. Эти связи и способствуют, организуют реальное речевое общение представителей определенного этноса – носителей данной языка.

3. Совокупность семантических сфер, реализуемых в ассоциативно-вербальной сети при организации речевого общения носителей данного языка образует семантическое пространство. Поскольку отдельные элементы в системе ассоциативных связей могут принадлежать нескольким семантическим сферам, это пространство и дискретно, и нерасторжимо – оно есть совокупность значений и смыслов, которыми оперирует определенный этнос в процессе своего речевого общения на определенном языке².

¹ Для красоты конструкции так и хочется назвать это «семантосферой»...

² Ср.: «В частности, ставится вопрос о соотношении традиционного семантического анализа и концептуального анализа, который связывают с когнитивным подходом к анализу языковых единиц» [Бендикс 1983]. Существует мнение, что следует говорить как о точках соприкосновения данных методов анализа, так и об их нетождественности: «Если первый направлен на экспликацию семантической структуры слова, уточнение реализующих ее денотативных, сигнификативных и коннотативных значений, то концептуальный анализ предстает как поиск тех общих концептов, которые подведены под один знак и предопределяют бытие знака как известной когнитивной структуры. Семантический анализ связан с разъяснением слова, концептуальный анализ идет к знаниям о мире» [Кубрякова 1991]. Однако здесь еще много неясностей. Сами основания, указанные для различения, вызывают сомнения хотя бы уже потому, что описание семантической структуры слова вряд ли возможно без понимания его места в системе знаний о мире. Да и существовал ли на самом деле когда-нибудь семантический анализ без обращения к знаниям о мире? Весь опыт семантического исследования лексики показывает, что основной задачей семасиологии является исследование именно того, как в единицах языка (словах) отображается внеязыковая действительность. Те связи и взаимоотношения между явлениями действительности, которые и обуславливают лексико-семантическую систему языка, являются, конечно, внешними по отношению к самому языку. Но всякая знаковая система служит для обозначения как раз того, что находится за пределами самой данной системы, и значение знака раскрывается только вне данной системы.

Здесь же уместно вспомнить различные, теперь уже оцениваемые как вполне традиционные, классификации и систематизации слов, которые так или иначе опираются на отражение в языковых единицах знаний о мире. Слово своими корнями связано со знаниями о действительности и разнообразно их отражает. Значение слова в полной мере по сути неисчерпаемо, поскольку «действительный, смысл каждого слова определяется в конечном счете всем богатством существующих в сознании моментов, относящихся к тому, что выражено данным словом... он опирается в понимание мира и во внутреннее строение личности в целом» [Выготский 1982]» [Кузнецов 2000] (источники ссылок в квадратных скобках проставлены нами. – Ю.П.).

4. Каждая языковая единица, будучи знаком, фиксирует и именуется определенную связь между явлением действительности, значением и смыслом этого явления. Если признать, что смысл есть «общая соотношенность и связь всех относящихся к ситуации явлений» (Г. П. Щедровицкий), то и знак должен содержать – пусть виртуально, т. е. на уровне совокупности всех возможных ситуаций речевого общения, – и всю эту совокупность смыслов, проявляющихся с учетом реального процесса общения. В этих условиях знак может быть соотношен с конкретной семиотической сферой, которая, так же как и семантическая сфера, имеет ядерные знаковые характеристики (параметры) и периферийные, соотносимые с менее частотными ситуациями коммуникации. При этом собственно знак является и устойчивой, и мобильной структурой, обеспечивающей и единообразное понимание его в определенной языковой среде, и возможность использования его как метафоры в иных условиях речевого общения.

5. Совокупность семиотических сфер образует семиотическое пространство, где они, с одной стороны, располагаются в определенном взаимном соответствии, связанном с некоторыми параметрами их взаимного уподобления на уровне ядерных элементов семиосфер (схожие семиосферы, имеющие некоторый набор одинаковых элементов, будут находиться ближе друг к другу, что и способствует их более быстрой воспроизводимости в процессе общения по аналогии, по сходству). С другой стороны, их периферийные элементы могут входить и в другие семиосферы (в любом качестве, в том числе и ядерных элементов), что позволяет им всем контактировать на ассоциативном уровне в процессе построения речевого общения в зависимости от реальной ситуации этого общения.

6. Совокупность семантических сфер и семиосфер, расположенных во взаимосвязанном пространстве, создает условия для возникновения сфер более высокого порядка – концептосфер, которые, с одной стороны, через семантические сферы связаны с языком, с возможностью именования их или их частей, а с другой – через посредство семиосфер, связаны с достаточно устойчивыми моделями восприятия и постижения мира. Концептосфера построена по тому же принципу, что и две предыдущие: в ней также есть ядро и периферия, она также и дискретна, и нерасторжима. Она также связана своими отдельными элементами с множеством других концептосфер, и также «цельна» в совокупности своих базовых элементов семантических сфер и семиосфер.

Совокупность всех отдельных и «в меру» самостоятельных концептосфер образует концептуальное пространство. В связи с тем, что единицы каждого из двух других пространств объективно и планетарно (общечеловечески), и национально детерминированы (и элементы семантики, и элементы семиотики), такие же общечеловеческие и национально-специфические элементы естественно входят и в концептуальное пространство «пребывания» любого этноса.

Предлагаемый конструкт во многом соотносится с интересным анализом взаимоотношений «концептов» в работах П. Гэрденфорса, которые проанализированы в публикации Н.О. Швец [Швец 2002: 115–124]. Автор предлагает общую теорию репрезентации, основанную на понятии концептуальных пространств, которые определяются как геометрическая структура с одним или несколькими измерениями – доменами. Структура многих измерений позволяет говорить о расстояниях между ними, которые в концептуальном пространстве связаны со сходством/несходством объектов. Далее автор рассматривает особенности репрезентаций на символическом, субконцептуальном и концептуальном уровнях.

Говоря о концептуальном пространстве, П. Гэрденфорс разграничивает понятия свойства и «концепта», причем свойства считает особым случаем «концепта». Свойство идентифицируется с определенной областью домена, причем область рассматривается также как пространственное понятие. В отличие от свойств «концепты» объединяют информацию из нескольких различных доменов, однако «концепт» – это не просто пучок свойств, его значение меняется в зависимости от контекста. Соответственно, модель естественного «концепта» включает не только множество областей некоторого количества доменов, но и информацию о корреляции этих областей между собой и о значимости отдельных доменов. Влияние контекста выражается в том, что он вызывает различные ассоциации, ведущие к немонотонным выводам: контекст определяет выделенность тех или иных доменов, что делает концептуальное пространство, «концепты» и суждения о сходстве динамичными. Изменение степени выделенности, приписываемой определенным доменам, может привести к сдвигу границ между различными «концептами».

Здесь, очевидно, необходимо сделать некоторое отступление, связанное с пониманием автором возможного «нефилологического» построения филологических моделей. Автор убежден в том, что – в принципе! – любые модели, вне зависимости от той дисциплины, в рамках которой и для которой они создаются, строятся по одним логическим

принципам – принципам устройства человеческого сознания, при всей непознаваемой латентности этого устройства. Человек не может – опять же в принципе! – «придумать» ничего иного, что бы противоречило структуре этой организации. Это распространяется в полной мере и на все те структурные модели, которые он сам создает: так, например, только познанная часть структуры собственного мышления позволила создать сегодняшнюю модель компьютерных программ; если же познание законов мышления перейдет на новую качественную ступень, качественно новым станет и развитие компьютерной системы³. Точно также дело обстоит и с пространственными параметрами: наше пространство трехмерно, следовательно, все наши построения могут лежать только в структуре этой «трехмерности» – отсюда Троица, отсюда три взаимосвязанных и неразделимых оси координат, и «тридесятое царство», и т. п., и т. д. Наиболее четко и последовательно вся эта структура описана математикой и логикой, поэтому использовать для большей четкости рассуждений их принципы вовсе «не грех» и для филологии.

Эти рассуждения можно продолжить и еще в одном направлении. Мы уже писали о голографической структуре трех фигур коммуникации: фигуре действительности, интровертивной фигуре – тексте, и экстравертивной фигуре – дискурсе (см.: [Прохоров 2004]). Столь же голографично и взаимоотношение трех пространств, выделенных выше, – семантического, семиотического и концептуального. Но, кроме того, их можно рассматривать и под другим углом зрения: если «картинку» по-

³ Ср.: «Чтобы представить, с чего начинается развитие речевой способности и процессов речевосприятия и речепорождения, проще всего, пожалуй, будет вновь обратиться к грубым, но достаточно адекватным техническим аналогиям. Для этого мы предлагаем сравнить головной мозг новорожденного ребенка с абсолютно новым компьютером, который имеет чистое и свободное от информации внутреннее устройство, но который способен и готов к работе – его лишь нужно постепенно этой информацией заполнить.

Возвращаясь к головному мозгу новорожденного ребенка, можно сказать, что, хотя он тоже еще практически чист и свободен от информации, биологически и генетически он уже готов и способен к работе – это то, что можно назвать биологической и генетической «закладкой» речевой способности.

Ячейки памяти компьютера, по аналогии с нейронами головного мозга, загружаясь все большим и большим количеством информации, станут с течением времени обрастать все увеличивающейся и разрастающейся сетью внутренних связей-кодов, необходимых для работы на определенном языке.

То же самое станет происходить и с нашим ребенком: получая все больше информации из окружающей среды, в процессе предметной деятельности, общения и обучения психофизиологический аппарат ребенка станет вырабатывать все большее количество внутренних нейронных связей, так называемых речевых кодов, которые обеспечат ему овладение и владение языком – речевая способность под влиянием социума будет формироваться, развиваться и действовать» [Румянцева 2004: 175].

строения их в нашем сознании мы увидеть не можем, то можем реально увидеть другую картинку, построенную, как мы отмечали выше, «по нашему образцу и подобию». В данный момент этот текст печатается на компьютере. Если остановиться и нажать команду «Свойства», то мы можем увидеть, какой объем памяти на жестком диске занимает этот текст. Информация (в виде тестовых файлов, например) фрагментирована и физически занимает какое-то пространство определенной сегмента жесткого диска, и размещена он вовсе не последовательно и компактно, а находится в совершенно различных частях этого диска, этого объема. Причем, если – в качестве эксперимента, сохранив все написанное отдельно – мы сотрем какую-то незначительную часть программного обеспечения, то убедимся, что пострадает не один какой-то файл, а множество файлов. Но пострадают они не только «физически», но и в смысле возможности нашего обращения к ним – они будут материально существовать, но станут «вещью в себе», недоступной нам.

Примерно то же самое происходит с нашим сознанием при поражении отдельного и даже крайне незначительного участка головного мозга – вдруг что-то где-то начинает пропадать, причем ни место «пропажи», ни ее объем нами самими не предсказуем.

Но из этого следует и еще одно рассуждение. Собственно сферы – семантическая, семиотическая и концептуальная – находятся в таком же «разобранном» состоянии, поэтому и не представляется возможным дать некоторое их «конечное» описание или даже именование, пока они «там», в нашем сознании. Но как только мы их переводим «сюда» – даже не выводим в «светлую область сознания», а материализуем их «на языке» – тогда они выстраиваются в некоторую устойчивую фигуру (и, очевидно, всегда далеко не в полном объеме, а в том, который нам необходим в данной ситуации речевого общения): лишь тогда только мы можем «сказать» (именно «сказать», хотя и всеми доступными нам средствами – вербальными или невербальными), что это – нечто единое и для «говорящего», и для «слушающего», когда они пользуются одни и тем же «языком». Вернемся еще раз к компьютеру: мы не знаем, где конкретно на диске находится нужный нам файл, но мы вступаем в коммуникацию, он нам нужен, мы его вызываем – и он является нам в полном объеме своего содержания? Нет, не в полном: в полном объеме нам является только то, что мы видим на экране, то, с чем мы реально контактируем, – остальное «и есть», «и нет», оно латентно. В принципе, можно использовать и более простой пример: когда мы читаем книгу, то реальная коммуникация происходит именно с той страницей, которую мы читаем – все остальные страницы находятся в латентном состоянии

(те, которые мы уже прочитали) или в виртуальном (те, которые еще не прочитаны, но, в принципе, уже существуют). И, точно так же мы практически никогда не помним – в полном объеме! – даже уже прочитанные страницы, а имеем о них некоторое дискретное знание.

На свойствах пространства, в котором «пребывают» соответствующие сферические конструкции, необходимо остановиться особо. Во-первых, как тонко замечает М. Мерло-Понти, «пространство – это не среда (реальная или логическая), в которой расположены вещи, а средство, благодаря которому положение этих вещей становится возможным»; «Наше восприятие не подразумевало бы ни контуров, ни изображений, ни фона, ни объектов и, как следствие, было бы восприятием «ничто», да и, наконец, вообще не имело бы места, если бы субъект восприятия не был бы тем взглядом, что ухватывает вещи только при условии их определенной ориентации. Ориентация же в пространстве – это не какая-то случайная особенность объекта, это средство, при помощи которого я узнаю и уясняю этот объект как один из прочих» (цит. по: [Борисова 2003: 35, 43]).

Во-вторых, исследователи различают несколько видов пространств с точки зрения их взаимосвязи с человеком. Реальное пространство существует объективно, независимо от человека. Перцептуальное пространство – пространство субъективных ощущений, пространство кажущееся; оно таково, каким его воспринимает человек в процессе отражения и последующего закрепления в языковых формах. Перцептуальное пространство выступает как «пространство-посредник», соединяя реальное и концептуальное пространство. Последнее формируется в уме человека как его некоторое представление о реальном пространстве, освоенном как перцептуальное пространство.

Таким образом, пространственные параметры многоплановы, разнообразны, но все они структурируют и объективную реальность, и бытие человека. Нас в настоящий момент интересуют те из них, которые соотносятся с рассматриваемой проблематикой сфер, то есть семантическое, семиотическое концептуальное пространства. Попробуем, исходя из предыдущих размышлений, дать их рабочие определения:

Семантическое пространство – совокупность единиц, именующих элементы картины мира, сложившейся у данного этноса в ходе его бытия и определяющей национально-культурную специфику построения и реализации ассоциативно-вербальной сети ее языковых личностей.

Семиотическое пространство – совокупность бытийно сложившихся правил понимания, оценки и организации хаоса человеческого бытия, исторически вселенски, этнически и социально закреплённых в семиотических системах, регулирующих человеческое существование и специфически означаемых в разных языках.

Концептуальное пространство – совокупность исторически сложившихся базовых структурных элементов организации человеческого бытия, закреплённых в наборе семиотических сфер, именованных в наборе семантических сфер и обеспечивающих существование человека в реальном пространстве.

Попробуем рассмотреть взаимосвязь этих пространств на примерах.

1. – Дайте книгу-то, – канючил Бенедикт. – Не жидитесь, книгу дайте!
Никита Иваныч посмотрел на Лев Львовича, из диссидентов, а Лев Львович, из диссидентов, смотрел в окно. Лето, вечер, пузырь с окна сняли – далеко в окно видать
– Рано еще!
– Чего рано? Уж солнце садится.
– Тебе рано. Ты еще азбуку не освоил. Дикий человек.
– Степь да степь кругом, – ни к селу ни к городу сказал Лев Львович сквозь зубы.
– Я не освоил?! – поразился Бенедикт. – Я?! Да я!.. Да ить!.. Да я знаете сколько книг перечиталши? Сколько переписалши?!
– Да хоть тыщу...
– Больше!
– ... хоть тыщу, все равно. Читать ты, по сути дела, не умеешь, книга тебе не впрок, пустой шелест, набор букв. Жизненную, жизненную азбуку не освоил!
Бенедикт обомлел. Не знал, что сказать. Такое вранье откровенное, прямо вот так тебе и говорят: ты – не ты, и не Бенедикт, и на белом свете не живешь, и... прям не знаю что.
– Вот уж сказали... То есть как же? Азбуку-то... Вот есть «аз»... «слово», «мыслете»... «ферт» тоже...
– Есть и «ферт», а есть и «фита», «ять», «ижица», есть понятия тебе недоступные: чуткость, сострадание, великодушие...
– Права личности, – подъялдыкнул Лев Львович, из диссидентов.
– Честность, справедливость, душевная зоркость...

- Свобода слова, свобода печати, свобода собраний, – Лев Львович.
- Взаимопомощь, уважение к другому человеку... Самопожертвование...
- А вот это уже душок! – закричал Лев Львович, грозя пальцем. – Душок! Не в первый раз замечаю, куда вы со своей охраной памятников клоните! От этого уже пахнет!
- В избе, точно, пахло. Это он правильно подметил.
- Нет «фиты», – отказался Бенедикт: мысленно он перебрал всю азбуку, напугавшись, что, может, упустил что, – ан нет, не упустил, азбуку он знал твердо, наизусть, и на память никогда не жаловался. – Нет никакой «фиты», а за «фертом» идет сразу «хер», и на том стоим. Нету...
- Хорошо, хорошо, – остановил Лев Львович, – так что написано на столбе?
- Бенедикт высунул голову в окно, прищурился, прочел Прежним все, что на столбе: «Никитские ворота», матерных семь слов, картинку матерную, Глеб плюс Клава, еще пять матерных, «Тут был Витя», «Нет в жизни счастья», матерных три, «Захар – пес» и еще одна картинка матерная. Все им прочел.
- Вот вам вся надпись, али сказать текст, доподлинно. И никакой «фиты» там нет. «Хер» – сколько хотите, раз, два... восемь. Нет, девять, в «Захаре» девятый. А «фиты» нет.
- Нет там вашей «фиты», – поддержал и Лев Львович.
- А вот и есть! – закричал ополоумевший Истоппник, – «Никитские ворота» – это моя вам фита, всему народу фита! Чтобы память была о славном прошлом! С надеждой на будущее! Все, все восстановим, а начнем с малого! Это же целый пласт нашей истории! Тут Пушкин был! Он тут венчался!
- Был Пушкин, – подтвердил Бенедикт. – Тут, в сараюшке, он у нас и завелся. Головку ему выдолбили, ручку, все чин чинарем. Вы же сами волоочь подмогали, Лев Львович, ай забыли? Память у вас плохая! Тут и Витя был.
- Какой Витя?
- А не знаю какой, может, Витька припадошный с Верхнего Омута, может, Чучиных Витек – бойкий такой парень, помоложе меня будет; а то, может, Витя колченогий. Хотя нет, вряд ли, этому сюда не дойти. Нет, не дойдет. У него нога-то эдак на сторону свернута, вроде как ступней вовнутрь...
- О чем ты говоришь, какой Витя, при чем тут Витя...
- Да вон на столбе, на столбе-то! «Тут был Витя!» Ну и ну, я же только что прочел!
- Но это же совершенно неважно, был и был, мало ли... Я же говорю про память...
- Вот он память и оставил! Затем и резал! Чтоб знали – кто пройдет, – помнили накрепко: был он тут!!

– Когда же ты научишься различать!!! – закричал Никита Иваныч, вздулся докрасна и замахал кулаками. – Это веха, историческая веха! Тут стояли Никитские ворота, понимаешь ты это? Неандертал!!! Тут шумел великий город! Тут был Пушкин!

– Тут был Витя!!! – закричал и Бенедикт, распаляясь. – Тут был Глеб и Клава! Клава – не знаю, Клава, может, дома сидела, а Глеб тут был! Резал память! И все тут!.. А! Понял! Знаю я Витю-то! Это ж Виктор Иваныч, который старуху вашу хоронил. Распорядитель. Точно он, больше некому. Виктор Иваныч это.

– Никогда Виктор Иваныч не станет на столбе глупости резать, – за протестовали Прежние, – совершенно немислимо... даже вообразить трудно...

– Отчего ж не станет? Вы почему знаете? Что он, глупей вас, что ли? Вы режете, а он не режет, да? Про ворота – можно, давай вырезай, а про человека – ни в коем разе, так?

Все трое молчали и дышали через нос.

– Так, – сказал Никита Иваныч, выставляя вперед обе ладоши, – спокойно. Сейчас, – погоди! – сейчас я сосредоточусь и объясню. Хорошо. Ты в чем-то прав. Человек – это важно. Но! В чем тут суть? – Никита Иваныч собрал пальчики в щепотку. – Суть в том, что эта память – следи внимательно, Бенедикт! – может существовать на разных уровнях...

Бенедикт плюнул.

– За дурака держите! Как с малым ребятенком!.. Ежели он дылда стосеросовая, так у него и уровень другой! Он на самой маковке вырежет! Ежели коротышка – не дотянется, внизу сообщит! А тут посередке, в аккурат в рост Виктора Иваныча. Он это, и сумнений никаких быть не должно...

Т. Толстая. Кысь.

В этом примере представлено общение представителей двух различных поколений. Во-первых, Никиты Ивановича и Льва Львовича, живших до определенного катаклизма, полностью изменившего существовавшую и привычную им картину мира, в которой у них сложилось взаимодействие семантического, семиотического и концептуального пространств, что обеспечивало форму и содержание коммуникации. Во-вторых, Бенедикта, родившегося в иной картине мира, в которой реально находятся сейчас и первые два героя. Общение происходит на одном языке и в общей действительности. Однако принципиально различаются взаимосвязи их пространств: у Бенедикта есть некоторое реальное семантическое пространство, связанное с семиотическим пространством этой фигуры действительности, и концептуальное пространство, формируемое данной картиной мира. При этом у него есть и «минимальные» другие семантическое и семиотическое пространства, полученные

из книг и общения в героями «другого мира». У двух других героев также есть все три пространства, однако минимальные семантическое и семиотическое пространства Бенедикта – это элементы картины мира, соотносимой с их концептуальным пространством, связанным с другой фигурой действительности. В связи с этим общение всех трех участников явно затруднено: они понимают слова, немного понимают знаковую сущность произносимых единиц (это частично совпадает с учетом общей фигуры действительности, в которой происходит общение, – и в основном не совпадает из-за разных исходных в общении картин мира) и практически не понимают концептуальную составляющую речи друг друга.

2. ... он увидел свою Характеристику. Шла она посередь поля, вопила низким голосом:

– ... в-туде-прилежен-в-быту-морален...

А мы с Фефеловым Андроном Лукичем приятельски гуляем, шупаем колосья.

– Ты мне, брат Иван Александрович, представь свою Характеристику, – мигает правым глазом Андрон Лукич, – а тебе за это узюму выпишу шашнадцать кило.

– А вот она, моя Характеристика, Андрон Лукич, извольте познакомиться.

Фефелов строгим глазом смотрит на подходящую, а я весь дрожу – ой, не пондравится!

– Это вот и есть твоя Характеристика?

– Она и есть, Андрон Лукич. Не обессудьте.

– Нда-а...

Хоть бы губы подмазала, проклятушая, уж не говорю про перманенту. Идет, подолом метет, душу раздирает:

– ...политически-грамотен-с-казенным-имуществом-шшапетилен...

– Нда, Иван Александрович, признаться, я разочарован. Я думал, твоя Характеристика – девка молодая, ядреная, а эта – как буряк прошлогодний...

– Ой, привередничаєте, Андрон Лукич! Ой, недооцениваете... – Говорю это я басом, а сам дрожу ажник, как фитюля одинокая. Узюму хочется.

– Ну да ладно, – смирился Андрон Лукич, – какая-никакая, а все ж таки баба.

Присел, набычился, рявкнул, да как побежит всем телом на мою Характеристику.

– Ай-я-яй! – закричала Характеристика и наутек, дурь лупоглазая.

Бежит к реке, а за ей Андрон Лукич частит ногами, гудит паровозом – люблю-ю-у-у! Ну и я побег – перехвачу глупую бабу!

– Нет! – кричит Характеристика. – Никогда этого не будет! Уж лучше в воду!

И бух с обрыва в речку! Вынырнула, выпучила зенки, взвыла:
– ...с-товарищами-по-работе-принципиален!!!
И камнем ко дну.
Стоит Фефелов Андрон Лукич отвлеченный, перетирает в руке коло-
сик.
– Пшеница ноне удалась, Иван Александрович, а вот с узюмом пере-
бой.
И пошел он от мене гордый и грустный, и, конечно, по-человечески
его можно понять, но мне от этого не легче».
В. Аксенов. Затоваренная бочкотара.

В этом примере нарушена связь между концептуальным пространством, с одной стороны, и с другой – в принципе сохраненной взаимосвязью между семантическим и семиотическим пространствами: набор языковых единиц в определенной степени соответствует стандартным единицам характеристики как знака, в то же время «концепт характеристики» разрушен полностью.

3. Однако главным образом Магнус Федорович работал над диссертацией, тема которой звучала так: «Материализация и линейная натурализация Белого Тезиса как аргумента достаточно произвольной функции сигма не вполне представимого человеческого счастья».

Тут он достиг значительных и важных результатов, из коих следовало, что человечество буквально купалось бы в не вполне представимом счастье, если бы только удалось найти сам Белый Тезис, а главное – понять, что это такое и где его искать.

Упоминание о Белом Тезисе встречалось только в дневниках Бен Бецалеля. Бен Бецалель якобы выделил Белый Тезис как побочный продукт какой-то алхимической реакции и, не имея времени заниматься такой мелочью, вмонтировал его в качестве подсобного элемента в какой-то свой прибор. В одном из последних мемуаров, написанных уже в темнице, Бен Бецалель сообщал: «И можете вы себе представить? Тот Белый Тезис не оправдал-таки моих надежд, не оправдал. И когда я сообразил, какая от него могла быть польза – я говорю о счастье для всех людей, сколько их есть, – я уже забыл, куда же я его вмонтировал». За институтом числилось семь приборов, принадлежавших некогда Бен Бецалелю. Шесть из них Редькин разобрал до винтика и ничего особенного не нашел. Седьмым прибором был диван-транслятор. Но на диван наложил руку Витька Корнеев, и в простую душу Редькина закрались самые черные подозрения. Он стал следить за Витькой. Витька немедленно озверел. Они поссорились и стали заклятыми врагами, и оставались ими по сей день. Ко мне как к представителю точных наук Магнус Федорович относился благожелательно, хотя и осуждал мою дружбу с «этим плагиатором». В общем-то Редькин был неплохим человеком, очень трудолюбивым, очень упорным, начисто лишенным корыстолюбия. Он проделал громадную работу, собравши гигантскую

коллекцию разнообразнейших определений счастья. Там были простейшие негативные определения («Не в деньгах счастье»), простейшие позитивные определения («Высшее удовлетворение, полное довольство, успех, удача»), определения казуистические («Счастье есть отсутствие несчастья») и парадоксальные («Счастливей всех шуты, дураки, сущеглупые и нерадивые, ибо укоров совести они не знают, призраков и прочей нежити не страшатся, боязнь грядущих бедствий не терзаются, надеждой будущих благ не обольщаются»).

Магнус Федорович положил на стол коробочку с ключом и, недоверчиво глядя на нас исподлобья, сказал:

- Я еще одно определение нашел.
- Какое? – спросил я.
- Что-то вроде стихов. Только там нет рифмы. Хотите?
- Конечно, хотим, – сказал Роман.

Магнус Федорович вынул записную книжку и, запинаясь, прочел:

Вы спрашиваете:

Что считаю

Я наивысшим счастьем на земле?

Две вещи:

Менять вот так же состоянье духа,

Как пени выменял бы я на шиллинг,

И

юной девушки

Услышать пенье

Вне моего пути, но вслед за тем,

Как у меня дорогу разузнала.

- Ничего не понял, – сказал Роман. – Дайте я прочту глазами.

Редькин отдал ему записную книжку и пояснил:

- Это Кристофер Лог. С английского.
- Отличные стихи, – сказал Роман.

Магнус Федорович вздохнул.

- Одни одно говорят, другие – другое.
- Тяжело, – сказал я сочувственно.

- Правда ведь? Ну как тут все увяжешь? Девушки услышать пенье...

И ведь не всякое пенье какое-нибудь, а чтобы девушка была юная, находилась вне его пути, да еще только после того, как у него про дорогу спросит... Разве же так можно? Разве такие вещи алгоритмизируются?

- Вряд ли, – сказал я. – Я бы не взялся.

– Вот видите! – подхватил Магнус Федорович. – А вы у нас заведующий вычислительным центром! Кому же тогда?

- А может, его вообще нет? – сказал Роман голосом кинопродюсера.

– Чего?

– Счастья.

Магнус Федорович сразу обиделся.

– Как же его нет, – с достоинством сказал он, – когда я сам его неоднократно испытывал?

– Выменяв пенни на шиллинг? – спросил Роман. Магнус Федорович обиделся еще больше и вырвал у него записную книжку.

– Вы еще молодой... – начал он.

Стругацкие. Понедельник начинается в субботу.

В этом примере сохранены параметры «концепта счастья» и соотносимое с этим концептуальным пространством семантическое пространство, однако использование участниками коммуникации разных знаковых систем приводит к сбою в общении.

4. Прихлебывая куриный взвар (тяжелой пищи ему покуда не полагалось), Жихарь со стыдом и ужасом слушал неспешный рассказ кузнеца о том, какое нестроение началось в Столенграде и во всем Многоборье, когда отравное зелье свалило его прямо за столом.

– Ну, грабежи еще при тебе начались, – говорил Окул. – А тут и вовсе обнаглели. Из лесу приперлась ватажка лихих людей, грозились спалить город – это на зиму-то глядя! Ну, с этими кое-как совладали. Дружина поворчала без жалованья, но за мечи взялась. Только от этого больше порядку не стало. Взяли люди себе за обычай не отдавать долги. Жихарь, кричат, вон сколько в кабаке задолжал – значит, и нам то же пристало. Я сам дружиннику Коротая изладил доспех такой, что королевичу впору. Плати, говорю, а то, когда Жихарь проспится, ответишь! Он не платит, посмеивается. Мне же противу всей дружины не попереть! День хожу, два, седмицу. Наконец решился, взял молот потяжелее, прихожу на дружинный двор. Когда, спрашиваю, господин воин, должок вернешь? Он же, премерзкий, захохотал и говорит: «Когда Жихарь проспится!» То есть моими же словами... Тут, гляжу, нас, таких недовольных, многонько собирается. И быть бы у нас крепкой усобице, и стоять бы Столенграду пусту, если бы не кривлянская княжна Карина...

– Отчего же имя такое печальное? – спросил Жихарь.

– А жизнь-то у нее какая? – ответил кузнец.

И рассказал о том, что княгиня Апсурда на своих семи возах с приданным ехала к батюшке с жалобой, да не доехала: полюбила по дороге вдовому кривлянскому князю Перебору Недосветовичу. А у Перебора Недосветовича дочка – вот эта самая Карина. Разумница и книжница, женихов, как мусор, перебирала, вот и припоздала, дождалась мачехи на свою голову. Мачеха же, как и полагается, задумала ее погубить – послала дочку в лес землянику искать под снегом, двоих верных слуг – из наших же, кстати, – к ней приставила для верности, чтобы не воротилась. Те девушку привязали к дереву да и были таковы: кровь на себя брать не стали – и так замерзнет.

– На ее счастье, – продолжал кузнец, – шлялись по лесу своим обычаем два зимних ухаля – Морозка да Метелица, ты их знаешь, да с ними тре-

тий, товарищ Левинсон, – он, говорят, из Разгром-книги приبلудился. В кожаном кафтане кургузом. Стал у них за старшего. И не приказал девицу морозить и заматать, а велел вывести к людям. То есть к нам. Тут ее признали, обогрели, стали думать думу и вот что надумали...

Куриное варево привело Жихаря в ум, он стал слушать внимательно.

– Что нам опять без власти сидеть, друг дружке головы листать? Жупел нас приучил к лютости, теперь не отвыкнуть. А тут готовая княжна, хорошего роду, законы понимает, даром что незамужняя. Ну, самых недвольных утихомирили да и присягнули ей на верность – а что делать? Не ведомо, когда ты проснешься да не примешься ли сызнова в кабаке княжить?

М. Успенский. Время Оно.

В данном примере во многом сохранено концептуальное пространство, в рамках которого происходит и сегодняшнее речевое общение носителей русского языка. Однако семантическое пространство уже становится как бы «двухмерным»: оно обслуживает как бы два семиотических пространства – и в современной триаде «семантическое₁ – семиотическое₁ – концептуальное₁», и в триаде «семантическое_{1,2} – семиотическое₂ – концептуальное_{1,2}».

Таким образом, можно – причем более точно это построение будет выглядеть именно в обращенном порядке, от реальности общения к теории – построить следующую картину роли и места «концепта»:

1. Каждая языковая единица в процессе своего существования в речевом общении «обрастает» определенной совокупностью ассоциативных связей с другими единицами – она образует вокруг себя некоторую семантическую сферу, а совокупность семантических сфер, реализуемых в ассоциативно-вербальной сети речевого общения носителей данного языка образует семантическое пространство.

2. Каждая языковая единица, будучи знаком, фиксирует и именуется определенной связью между явлением действительности, значением и смыслом этого явления. Знак должен содержать – пусть виртуально, т. е. на уровне совокупности всех возможных ситуаций речевого общения, – и всю эту совокупность смыслов, проявляющихся с учетом реального процесса общения. При этом собственно знак является и устойчивой, и мобильной структурой, обеспечивающей и единообразное понимание его в определенной языковой среде, и возможность использования его как метафоры в иных условиях речевого общения. Совокупность семиотических сфер образует семиотическое пространство.

3. Совокупность семантических сфер и семиосфер, расположенных во взаимосвязанном пространстве, создает условия для возникновения

сфер более высокого порядка – концептосфер, которые, с одной стороны, через семантические сферы связаны с языком, с возможностью именованья их или их частей, а с другой – через посредство семиосфер, связаны с достаточно устойчивыми моделями восприятия и постижения мира. Совокупность концептосфер создает концептуальное пространство.

4. Взаимодействие семантических, семиотических и концептуальных пространств образуют национальную языковую картину мира.

Попробуем представить все выше сказанное в виде некоторой картинки, некоторого образа, который бы не противоречил изложенным выше рассуждениям, причем как научной, так и наивной картинам мира, а также нашим реальным возможностям постижения вообще всего сущего. Повторим еще раз: автор убежден в том, что в принципе любые модели строятся по одним логическим принципам – принципам организации человеческого сознания, отражающего структурные модели бытия на данном этапе этого отражения (постижения). Следовательно, и предлагаемый нами любой образ какой-либо организации этого отражения должен строиться по тем известным на данный момент законам и правилам, по которым строится и организация собственно бытия.

Так вот, представим такое строение соотношения семантических + семиотических + концептуальных сфер, которое в итоге и обеспечивает коммуникацию всех со всеми (в принципе, независимо от конкретного языка). Собственно совокупность сфер – есть атом: «Атом <...> – наименьшая частица химического элемента, являющаяся носителем его свойств <...>. Атом состоит из тяжелого ядра... и окружающих его легких частиц – электронов <...>. Заряд ядра – основная характеристика атома, обуславливающая его принадлежность к определенному элементу <...>. Электронные оболочки не имеют строго определенных границ <...>. Атому одного элемента могут иметь разные массовые числа (число протонов одинаково, а число нейтронов различно); такие разновидности атома одного и того же элемента называют изотопами... Большинство свойств атома определяется строением и характеристиками его внешних электронных оболочек, в которых электроны связаны сравнительно слабо <...>. Электроны во внешних оболочках легко подвергаются внешним воздействиям <...>. При сближении атомов возникают сильные взаимодействия, которые могут приводить к образованию молекул <...>. Свойства атома, находящегося в связанном состоянии (например, входящего в состав молекул), отличаются от свойств свободного атома <...>. Наибольшие изменения претерпевают свойства атома, определяемые самыми внешними электронами, принимающими участие в при-

соединении данного атома к другому. Вместе с тем свойства, определяемые электронами внутренних оболочек, могут практически не изменяться»⁴.

Переведем это «на филологический язык»: 1) есть некоторый элемент языковой картины мира, который служит одним из строительных ее элементов (в этом смысле – он мельчайший); 2) этот элемент состоит из ядра – концептуального пространства, которое достаточно устойчиво во времени в своем «заряде»; 3) вокруг ядра есть ближайшая к нему оболочка сферы – семиотическое пространство, которое во многом определяет характеристики концептосферы; 4) внешняя – семантическая – сфера, с одной стороны, определяет своими, находящимися в постоянном движении и взаимодействии языковыми единицами характеристики концептосферы в данный момент ее существования; с другой – в связи с принадлежностью в ассоциативно-вербальной сети этих единиц и к другим «атомам», позволяет связывать отдельные «атомы» в «молекулы» реальной коммуникации; 5) факт наличия в деятельности любого лингвоэтнического сообщества в принципе сходных концептосфер (на основе глобального сходства структур деятельности ее представителей), не отрицает возможности и их различий с учетом как особенностей сложившихся семиотических пространств, так и особенностей структур именовании в семантическом пространстве – таким образом, эти концептосферы могут пониматься как изотопы одного и того же атома, что, в принципе, и позволяет осуществлять межкультурное общение.

Л и т е р а т у р а

1. Борисова 2003 – *Борисова С. А.* Пространство – Человек – Текст. Ульяновск: УлГУ, 2003. – 327 с.
2. Бендикс 1983 – *Бендикс Э. Г.* Эмпирическая база семантического описания // Проблемы и методы лексикографии. М., 1983. Вып. 14. С. 105–136.
3. Вернадский 2000а – *Вернадский В. И.* Научная мысль как планетарное явление // Труды по философии естествознания. М.: Наука, 2000. С. 316–651.
4. Вернадский 2000б – *Вернадский В. И.* Несколько слов о ноосфере // Труды по философии естествознания. М.: Наука, 2000. – С. 308–315.
5. Выготский 1982 – *Выготский Л. С.* Мышление и речь // Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. Проблемы общей психологии. М., 1982. – 470 с.
6. Кубрякова 1991 – *Кубрякова Е. С.* Об одном фрагменте концептуального анализа слова «память» // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 51–62.
7. Кузнецов 2000 – *Кузнецов А. М.* Когнитология, «антропоцентризм», «языковая картина мира» и проблемы исследования лексической семантики / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед., Отд. языкознания. М.: 2000. С. 8–22.

⁴ Все сведения выбраны автором из: [ФЭС 1983: 36–39].

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2005. – Вып. 30. – 260 с. ISBN 5-317-01585-5

8. Лихачев 1993 – *Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка // Изв. АН. Серия литературы и языка. Т. 52. № 1. 1993. С. 3–9.
9. Лотман 1999 – *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1999. – 464 с.
10. Прохоров 2004 – *Прохоров Ю. Е.* Действительность. Текст. Дискурс. М.: Флинта, 2004. – 224 с.
11. Румянцева 2004 – *Румянцева И. М.* Психология речи и лингвопедагогическая психология. М.: ПЕР СЭ; Логос, 2004. – 319 с.
12. ФЭС 1983 – Физический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983.
13. Швец 2002 – *Швец Н. О.* Концептуальные пространства в трактовке П. Гэрденфорса // Психолингвистические исследования: слово и текст: Сб. научн. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. С. 115–124.